

Бычки мистера Рипли

Когда на меня упали ворота, я всем своим существом понял, что действительно вернулся домой.

Мои мысли без труда перенеслись через недолгий срок службы в авиации к тому дню, когда я последний раз приезжал на ферму мистера Рипли — «пощипать пару-другую теляток», как выразился он по телефону, а точнее, охолостить их бескровным способом. Прощай утро!

Поездки в Ансон-холл всегда напоминали охотничьи экспедиции в африканских джунглях. К старому дому вел разбитый проселок, состоявший из одних рытвин и ухабов. Он петлял по лугам от ворот к воротам — всего их было семь.

Ворота — одно из тягчайших проклятий в жизни сельского ветеринара, и до появления горизонтальных металлических решеток, для скота непроходимых, мы в йоркширских холмах особенно от них страдали. На фермах их обычно бывало не больше трех, и мы кое-как терпели. Но семь?! А на ферме Рипли дело было даже не в числе ворот, но в их коварности.

Первые, преграждавшие съезд на узкий проселок с шоссе, вели себя более или менее прилично, хотя за древностью лет сильно проржавели.

Когда я сбросил крюк, они, покрхтывая и постанывая, сами повернулись на петлях. Спасибо хоть на этом. Остальные шесть, не железные, а деревянные, принадлежали к тому типу, который в Йоркшире называют «плечевыми воротами».

«Меткое название!» — думал я, приподнимая очередную створку, поддевая плечом верхнюю перекладину и описывая полукруг, чтобы открыть путь машине. Эти ворота состояли из одной створки без петель, попросту привязанной к столбу веревкой у одного конца сверху и снизу.

Даже с обычными воротами хлопот выпадало предостаточно. Останови машину, вылез, открой ворота, влезь в машину, минуй ворота, снова останови машину, вылез, закрой за собой ворота. Но поездка в Ансон-холл требовала поистине каторжного труда. Чем ближе к дому, тем более ветхими становились эти адские изобретения, и, подпрыгивая на колдобинах, я приближался к седьмым, весь красный от работы, которую мне задали шестые. Но вот они — последние и самые грозные. Характер у них был преподлый и очень злобный. За многие-многие годы их столько раз латали и подправляли, жалея на них новые жерди, что, по всей вероятности, от первоначального материала не осталось ничего. И тем они были опасней.

Я вылез из машины и сделал несколько шагов вперед. С этими воротами у нас были старые счеты, и несколько секунд мы молча взирали друг на друга. В прошлом нам довелось провести несколько напряженных раундов, и в счете, бесспорно, вели они.

Кое-как сбитая, разболтанная створка к тому же висела на одной-единственной веревочной петле, расположенной посредине, а потому поворачи-

вალაშ на вельма ненадежной оси с поистине сокрушающим эффектом.

Я осторожно приблизился к правой ее стороне и начал развязывать веревку, с горечью заметив, что она, как и все предыдущие, была аккуратно завязана бантом. Едва я дернул за конец, как створка высвободилась, и я поспешно вскинул руки к верхней перекладине. Но опоздал. Нижняя перекладина, будто живая, ловко и очень больно хлопнула меня по голениям, а когда я попытался уравновесить створку, верхняя врезала мне по груди.

Всякий раз одно и то же! Я шажочек за шажочком повел створку по дуге, а перекладины лупили меня сверху и внизу. Да, поединок выходил неравный.

Без всякого удовольствия я заметил, что с крыльца дома за моими эволюциями благодушно наблюдает мистер Рипли. Все время, пока я боролся со створкой, он со вкусом попыхивал трубкой и не сдвинулся с места, пока я не подковылял по траве к крыльцу.

— А, мистер Хэрриот! Приехали пощипать моих теляток? — Щетинистые щеки пошли складками от широкой дружеской улыбки. (Брился мистер Рипли раз в неделю — в базарный день, — логично полагая, что в прочие шесть дней скрести лицо по утрам бритвой самое пустое дело. Кто же его видит-то, кроме жены и скотины?)

Я нагнул и потер синяки на ногах.

— Мистер Рипли! Уж эти ваши ворота! Помните, в последний раз, когда я приезжал, вы мне свято обещали, что почините их? Вы, собственно, сказали, что поставите новые — уж давно пора! Ведь так?

— Что верно, то верно, молодой человек, — ответил мистер Рипли, согласно кивая. — Говорил я, как не говорить. Да ведь до таких мелочей руки все никак не доходят. — Он виновато усмехнулся, но тут же его лицо приняло выражение сочувственной озабоченности — я вздернул штанину и показал широкую ссадину на голени. — Ой-ой-ой-ой! Ну — конец! На следующей неделе будут тут стоять новые ворота. Уж ручаюсь вам.

— Но, мистер Рипли, вы слово в слово то же сказали, когда в тот раз увидели, что у меня колена все в крови. «Ручаюсь вам!» Я хорошо помню...

— Да знаю я, знаю. — Фермер прижал большим пальцем табак в чашечке и вновь запыхтел трубкой. — Хозяйка меня каждый день точит, что голова у меня дырявая, но вы не сомневайтесь, мистер Хэрриот, это мне хорошим уроком послужит. За ногу я у вас прощения прошу, а от ворот вам никакой больше досады не будет. Уж ручаюсь вам.

— Ну хорошо, — сказал я и захромал к машине за эмаскулятором¹. — А где телята?

Мистер Рипли неторопливо пересек двор и открыл нижнюю дверь стойла.

— Тут они.

Над бревнами перегородки ряд могучих косматых голов равнодушно взирал в мою сторону. Я прирос к земле, а потому указал на них дрожащим пальцем:

¹ *Эмаскулятор* (от лат. *emasculo* — оскопляю, кастрирую) — хирургический инструмент, используемый для кастрации животных.

— Вы вот про этих?..

— Они самые и есть, — весело закивал фермер.

Я подошел поближе и заглянул в стойло. Их было там восемь — крепких годовалых бычков. Одни покосились на меня с легким интересом, другие продолжали взбрыкивать ногами, раскидывая солому.

Я повернулся к фермеру.

— Опять вы...

— А?

— Вы меня вызвали пощипать теляток. А это не телята, а взрослые быки! Помните, какие чудовища стояли у вас тут в прошлый раз? Я чуть грыжи не нажил — так пришлось давить на щипцы, и вы сказали, что в следующий раз охолостите их в три месяца. Сказали, что ручаетесь...

Фермер торжественно покивал. Он соглашался со всем без исключения, что бы я ни говорил.

— Верно, мистер Хэрриот, это самое я и сказал.

— Но им-то никак не меньше года!

Мистер Рипли пожал плечами и одарил меня бесконечно утомленной улыбкой.

— За временем-то разве уследишь? Так и летит, так и летит.

Я поплелся к машине за обезболивающим для местной анестезии.

— Ну ладно, — буркнул я, наполняя шприц. — Если сумеете их изловить, попробую что-нибудь сделать.

Фермер снял со стены веревочную петлю и направился к дюжему бычку, что-то успокоительно бормоча. Бычок хотел было проскочить мимо, но петля на удивление ловко затянулась у него на

морде и роге в точно выбранный момент. Мистер Рипли пропустил веревку сквозь кольцо в стене и туго ее натянул.

— Ну вот, мистер Хэрриот. Быстренько и без неприятностей, верно?

Я промолчал. Все неприятности предстояли мне. Я ведь работал в опасном тылу совсем рядом с копытами, которые, конечно, взметнутся вверх, если моему пациенту придется не по вкусу укол в семенник.

Но куда деваться? Вновь и вновь я анестезировал область мошонки, а копыта нет-нет да барабанили по моим рукам и ногам. Затем я приступил к самой операции — к бескровному разрушению семенного канатика без повреждения кожи. Бесспорно, это много удобнее старого способа с применением скальпеля, и на молоденького теленка тратятся какие-то секунды.

Другое дело — такие великаны. Чтобы захватить большую мясистую мошонку, эмаскулятор приходилось разводить чуть ли не в горизонтальное положение, а потом сжимать — из такой-то позиции! Тут и началось веселье.

После местной анестезии бычок ничего не чувствовал — или почти ничего, но я, тщетно стараясь свести ручки эмаскулятора, испытывал холодное отчаяние: задача казалась непосильной. Однако человеческие мышцы, если хорошенько поднапрячься, творят чудеса. По моему носу ползли капли пота, я пыхтел, жал из последних сил, металлические ручки мало-помалу сближались, и наконец щипцы со щелчком сомкнулись.

Я всегда накладываю их дважды с каждой стороны, поэтому, передохнув, повторил всю проце-

дуру чуть ниже. Когда же было покончено и со второй стороной, я привалился к стене, ловя ртом воздух и стараясь не думать, что это только первый, что остается еще семь...

Прошло много, очень много времени, прежде чем наконец наступила очередь последнего. Глаза у меня вылезли на лоб, рот уже не закрывался, и тут меня осенило. Я выпрямился, встал сбоку от бычка и сказал сипло:

— Мистер Рипли, а почему бы вам самому не попробовать?

— А? — Все это время фермер невозмутимо наблюдал мои потуги, неторопливо выпуская изо рта сизые клубы табачного дыма, но такое предложение явно выбило его из колеи. — Как так?

— Видите ли, это последний, и мне хотелось бы, чтобы вы на опыте поняли, о чем я вам всегда говорил. Вот попробуйте сомкнуть щипцы.

Он немного поразмыслил.

— Так-то так, а кто будет скотину держать?

— Ерунда, — ответил я. — Привяжем его потуже к кольцу, я все подготовлю, и посмотрим, как получится у вас.

На лице фермера было написано легкое сомнение, но я решил настоять на своем и подвел его к хвосту бычка. Потом наложил эмаскулятор и прижал пальцы мистера Рипли к ручкам аппарата.

— Отлично, — сказал я. — Давайте!

Фермер набрал в легкие побольше воздуха, напряг плечи и начал давить на ручки. Ни малейшего эффекта.

Несколько минут я смотрел, как его лицо наливается кровью и из красного становится лило-

вым. Глаза у него выпучились почище моих, а вены на лбу рельефно вздулись. Вдруг он застонал и повалился на колени.

— Нет, милоч, ничего у меня не получится. Зря старался.

— А ведь, мистер Рипли, — я положил руку ему на плечо и ласково улыбнулся, — вы от меня требуете именно этого!

Он покорно кивнул.

— Ну ничего, — сказал я. — Теперь вы поняли, о чем я говорил. Простая, легкая работа превратилась в очень трудную только потому, что телята успели вырасти. Если бы вы меня вызвали, когда им было три месяца, я бы справился с делом в один момент, ведь так?

— Что верно, то верно, мистер Хэрриот. Ваша правда. Я дурака свалял и уж больше такого не допущу.

Я про себя возгордился. Особой изобретательностью я не блещу, но во мне крепло убеждение, что я нашел-таки способ пронять мистера Рипли.

От восторга силы мои удесятились, и я благополучно закончил операцию. Шагая к машине, я упивался собственной находчивостью и совсем уж захлебнулся самодовольством, включив мотор, потому что фермер наклонился к окошку.

— Спасибо вам, мистер Хэрриот, — сказал он. — Вы меня нынче утром кое-чему научили. Когда приедете в следующий раз, будут вам новенькие ворота, и к таким зверюгам я вас тоже больше звать не буду. Уж ручаюсь вам.

Сколько же времени прошло с того утра? Ведь было это еще до моего ухода в армию. Но теперь я вновь свыкался с гражданской жизнью и вновь

ощутил вкус многого, казалось бы прочно забытого. Впрочем, когда затрезвонил телефон, я ощущал вкус, которого никогда не забывал, — дивный вкус обеда, приготовленного Хелен.

Воскресный обед включал традиционный ростбиф и йоркширский пудинг. Жена как раз положила на мою тарелку солидный ломоть пудинга и теперь поливала его мясным соусом неопишемого аромата. После типичного для ветеринара воскресного утра, занятого метаниями с фермы на ферму, я готов был съесть быка, и мне пришло в голову, как приходило уже не раз, что, доведись мне знакомить какого-нибудь иностранного гурмана с достоинствами английской кухни, я бы непременно угостил его йоркширским пудингом.

Бережливые фермеры в самом начале обеда набивали животы своих чад и домочадцев ломтями йоркширского пудинга под мясным соусом, пуская в ход лукавую прибаутку: «Кто больше пудинга съедает, тот больше мяса получает!» Последнее не вполне соответствовало истине, но само блюдо — божественно. Положив в рот первый кусочек, я предвкушал, как Хелен, когда я очищу тарелку, вновь ее наполнит говядиной, картошкой и утром сорванными у нас на огороде горохом и красной фасолью.

И вот тут в мои блаженные размышления врзлся пронзительный звук телефона. «Нет, — сказал я себе твердо, — обеда мне ничто не испортит. Самый неотложный случай в ветеринарной практике как-нибудь да подождет, пока я не покончу со вторым блюдом».

Тем не менее трубку я взял трепетной рукой, а раздавшийся в ней голос вверх меня в мучительную тревогу. Мистер Рипли! О господи, только не

это! Только не в Ансон-холл по ухабам и рытвинам! Ведь сегодня все-таки воскресенье.

А голос гремел мне в ухо. Мистер Рипли принадлежал к тем, кто был убежден, что по телефону обязательно надо кричать, иначе на таком расстоянии могут и не услышать.

— Ветеринар, что ли?

— Да. Хэрриот слушает.

— Так вы что, с войны вернулись?

— Вернулся.

— Ну так вы мне сию минуту требуетесь! Одна моя корова совсем плоха!

— А что с ней? Что-нибудь срочное?

— Да уж! Ногу сломала, не иначе!

Я отодвинул трубку от уха: мистер Рипли еще повысил мощность звука, и голова у меня гудела.

— Но почему вы так думаете? — спросил я, чувствуя неприятную сухость во рту.

— Так она же на трех ногах стоит! — проревел фермер. — А четвертая болтается вроде!

Черт, симптом самый злоеущий. Я печально взглянул через стол на мою полную тарелку.

— Хорошо, мистер Рипли, я приеду.

— Сию минуту, а? Тянуть не будете?

— Нет. Сейчас и выезжаю.

Я положил трубку, потер ухо и повернулся к Хелен.

Она подняла голову, и я увидел страдальческое лицо женщины, которая живо рисует в воображении, как ее йоркширский пудинг оседает, превращаясь в бесформенные руины.

— Но на несколько минут ты ведь можешь задержаться?

— Прости, Хелен, только тут и секунды играют роль! — У меня перед глазами возникла коро-

ва, которая мечется от боли и еще больше повреждает сломанную ногу. — Да и он места себе не находит. Нет, нужно ехать немедленно!

У моей жены задрожали губы.

— Ничего. Поставлю его в духовку до твоего возвращения.

Выходя, я увидел, как Хелен взяла мою тарелку и повернулась к двери на кухню. Но мы оба знали, что это конец. Никакой йоркширский пудинг не продержался бы до моего возвращения. Ведь я ехал в Ансон-холл.

Я вырулил на улицу и прибавил газу. Рыночная площадь мирно дремала в воскресном покое, и солнце щедро лило свои лучи на булыжник, которого еще не касалась ничья нога. Все обитатели Дарроуби уписывали за закрытыми дверями свои праздничные обеды. Начались луга, и я вжал педаль газа в пол, так что каменные стенки только мелькали мимо, но вот уже пора сворачивать на проселок, и тут началось...

После демобилизации я ехал этой дорогой впервые и, видимо сам того не сознавая, ожидал каких-то перемен. Однако железные ворота остались почти прежними, только ржавчины на них заметно прибавилось. С нарастающим ощущением обреченности я проезжал деревянные ворота, развязывая веревки и перетаскивая створку на плече по дуге, пока не добрался до седьмых.

Эти последние, самые страшные ворота поджидали меня во всей своей прежней ветхости и несуразности. Подходя к ним почти на цыпочках, я отказывался верить глазам. С тех пор как я в последний раз созерцал эти ворота, мне довелось изведать много всего. Я обитал в совсем ином мире строевой подготовки, постижения штурманских

премудростей и под конец — даже учебных полетов. А эта скрипучая махина стояла тут и в ус себе не дула.

Я внимательно осмотрел створку. Криво сбитые, разболтанные перекладыны остались прежними, как и единственная веревочная петля. Даже веревка, наверное, была той же. Невероятно! Но тут я заметил кое-какую перемену: мистер Рипли, видимо опасаясь, как бы скот не завел привычку почесывать бока об этот древний бастион и не повредил его, позаботился украсить створку фестонами колючей проволоки.

Но может быть, время смягчило их натуру? Уж наверное, они не сохранили всей своей былой злобности! Я осторожно ослабил нижнюю веревку с правой стороны и с бесконечным тщанием развязал бант наверху. Уф! Кажется, обошлось! Но тут веревка упала, и створка размахнулась на левой петле со всей своей былой свирепостью.

Она ударила меня в грудь и сразу же хлопнула по ногам, но я почувствовал и кое-что новенькое: мне в ногу сквозь брючину впились железные колючки. Я отчаянно отбивался от створки, но она молотила меня то сверху, то снизу. Я откинулся, оберегая грудную клетку, ноги у меня подкосились, и я рухнул навзничь. Не успела моя спина соприкоснуться с грунтом, как створка лихо придавила меня сверху.

В прошлом я несколько раз чуть было не оказывался под ней, но успевал увернуться, и вот теперь ей наконец удалось меня накрыть. Я попытался выползти на свободу, но колючая проволока надежно меня удерживала. Я оказался в ловушке.

Мучительно выгнув шею, я поглядел поверх створки. До фермы было не больше сорока шагов,

но там все словно вымерло. Странно! Где измученный тревогой хозяин? Я-то думал, что он мечется по двору, ломая руки! И вот нигде ни души.

Позвать на помощь? Но я тут же отказался от этой мысли: уж очень глупо все получилось. Оставалось одно... Я схватил верхнюю перекладину обеими руками и рывком приподнял ее, стараясь не слышать треска рвущейся одежды, а потом очень медленно выбрался из-под створки.

Ее я оставил валяться на земле. Обычно я с особым тщанием закрываю за собой все ворота, но на лугах не было скота, да и вообще меня не тянуло вступать со створкой в новое единоборство.

В ответ на мой стук дверь отворилась.

— А, мистер Хэрриот! Погодка-то какая! — сказала миссис Рипли, продолжая вытирать тарелку и одновременно пытаюсь одернуть передник на обширных бедрах, с беззаботной улыбкой («Со всем такой же, как у ее мужа», — вспомнилось мне).

— Да-да, отличная... Меня вызвали посмотреть вашу корову. Ваш муж дома?

Она покачала головой:

— Нету его. Еще не вернулся из «Лисы с гончими».

— Что?! — Я растерянно уставился на нее. — Это же трактир в Дайвертоне, верно? Но, насколько я понял, речь шла о чем-то неотложном...

— Так ведь он же пошел туда, чтобы вам позвонить. Телефона-то у нас нету. — Ее улыбка стала еще шире.

— Но... но ведь почти час миновал! Ему давно пора вернуться.

— Так-то так, — ответила она, согласно кивая. — Только ведь там он дружков-приятелей

повстречал, не иначе. В воскресное-то утро они там все собираются.

Я запустил пятерню в волосы.

— Миссис Рипли, я из-за стола встал, чтобы добраться сюда побыстрее!

— Ну, мы-то уж отобедали, — ответила она мне в утешение. Впрочем, она могла бы мне этого и не объяснять: из кухни веяло аппетитным запахом жаркого, которому, конечно же, предшествовал йоркширский пудинг.

Я немного помолчал, а потом, глубоко вздохнув, буркнул:

— Так, может, я пока посмотрю корову? Скажите, будьте добры, где она?

— А вон! — Миссис Рипли показала на стойло в дальнем углу двора. — Пойдите поглядите на нее. Он скоренько вернется.

Меня словно кнутом ожгло. Жуткое слово! «Скоренько» в Йоркшире — выражение весьма употребительное и может означать любой промежуток времени, вплоть до двух часов.

Я открыл верхнюю створку двери и посмотрел на корову. Она, безусловно, охромела, но, когда я приблизился к ней, запрыгала по подстилке, тыча поврежденной ногой в пол.

Ну, кажется, обошлось без перелома. Правда, на ногу она не опиралась, но, с другой стороны, будь нога сломана, то болталась бы, а этого нет. Я даже вздохнул от облегчения. У крупных животных перелом почти всегда равносильен смертному приговору, потому что никакой гипс не способен выдержать подобное давление. Видимо, болезненным было копыто, но осмотреть приплясывающую корову в одиночку я не мог. Оставалось ждать мистера Рипли.

Я вышел на яркий солнечный свет и поглядел туда, где из-за деревьев над пологим склоном поднималась дайвертонская колокольня. На лугах не виднелось ни единой человеческой фигуры, и я уныло побрел на траву за службами, чтобы оттуда, хорошенько набравшись терпения, высматривать мистера Рипли.

Обернувшись, я взглянул на дом, и, несмотря на мое раздражение, на меня повеяло миром и покоем. Подобно многим другим старым фермам, Ансон-холл был когда-то господским домом в дворянском имении. Несколько сотен лет назад какая-то титулованная особа построила себе жилище в на редкость красивом месте. Пусть крыша грозила вот-вот провалиться, а одна из высоких печных труб пьяно клонилась набок, окна в частых переплетах, изящная арка над дверью и благородные пропорции всего здания восхищали взгляд, как и пастбища, уходящие все выше и выше к зеленым вершинам холмов.

А эта очаровательная садовая стена! В былые дни ее залитые солнцем камни оберегали бы подстриженный газон, весь в ярких цветах, но теперь там буйствовала крапива. Ее густая чаща, высотой по пояс рослому мужчине, заполняла все свободное пространство между стеной и домом. Конечно, фермеры — из рук вон плохие садовники, но мистер Рипли был единственным в своем роде.

Мои размышления прервал голос хозяйки дома.

— Идет он, идет, мистер Хэрриот. Я его из окошка углядела! — Она выбежала на крыльцо и махнула рукой в сторону Дайвертона.

Да, она не ошиблась, ее муж действительно направлялся домой — по лугам медленно ползло

крохотное черное пятнышко. Мы наблюдали за продвижением мистера Рипли минут пятнадцать, но вот наконец он протиснулся сквозь пролом в стене и направился к нам в колышущемся ореоле табачного дыма.

Я сразу перешел в нападение.

— Мистер Рипли! Право же, я жду очень долго. Вы ведь просили меня не терять ни минуты!

— Да знаю я, знаю. Только нельзя ж по телефону поговорить и не взять кружку пива, а? — Он наклонил голову и озарил меня улыбкой из неприступной твердыни своей правоты.

Я открыл было рот, но он меня опередил:

— А потом Дик Хендерсон угостил меня кружечкой, ну и мне пришлось его угостить, и только собрался уйти, как Бобби Толбот возьми и заговори про свинок, которых он купил на той неделе.

— Уж этот мне Бобби Толбот! — живо вмешалась его супруга. — Так, значит, и нынче он там сидит? Прилепился к трактиру, точно муха какая. И как только его хозяйка такое терпит!

— Ну да, и Бобби тоже там сидел. Он ведь оттуда, кажись, и не выходит. — Мистер Рипли задумчиво улыбнулся, выбил трубку о каблук и принялся снова уминать табак в чашечке. — А знаешь, кого еще я там видел? Дэна Томпсона, вот кого! Впервой после его операции. Ну и отоцал он! Можно сказать, вдвое. Ему пару-тройку пива выпить — самое разлюбезное дело.

— Дэн, говоришь? — Миссис Рипли оживилась еще больше. — До чего я рада-то! А говорили, что ему из больницы живым не выйти...

— Извините... — перебил я.

— Да нет, так, попусту языками мололи, — продолжал мистер Рипли. — Камень в почке —

всего и делов-то. Дэн уже совсем оклемался. Вот он мне, значит, сказал...

Я протестующе поднял ладонь:

— Мистер Рипли, могу ли я осмотреть корову? Я еще не обедал. Когда вы позвонили, жена убрала все в духовку.

— А я вот перво-наперво пообедал и уж потом туда пошел. — Мистер Рипли ободряюще мне улыбнулся, а его супруга закивала со смехом, чтобы окончательно меня успокоить.

— Чудесно! — сказал я ледяным тоном. — Я в восторге.

Но сарказм пропал втуне: они приняли мои слова за чистую монету!

Когда мистер Рипли наконец привязал корову, я приподнял больную ногу, положил к себе на колено, копытным ножом счистил грязь, и в косом солнечном луче тускло блеснул виновник беды. Я зажал его шляпку щипцами, выдернул и показал фермеру. Он поморгал, а потом его плечи затряслись.

— Так это же гвоздь из моего сапога! Как же оно так приключилось? На булыжнике, видать, поскользнулся, а он и выдернулся. Булыжник-то здесь склизкий. Раза два я чуть через задницу не перекувырнулся. Я уж и хозяйке говорил...

— Мне пора, мистер Рипли, — перебил я. — Как-никак я еще не обедал, вы помните? Только схожу к машине за антистолбнячной сывороткой и сделаю корове укол.

Укол я ей сделал, сунул шприц в карман и пошел было через двор назад к машине, но тут фермер меня окликнул:

— Щипчики-то у вас с собой, мистер Хэрриот?

— Щипчики?.. — Я остановился и обернулся к нему, не веря своим ушам. — Да, конечно, но неужели нельзя выбрать другое время?

Фермер щелкнул старой медной зажигалкой и направил длинный столбик пламени на табак в трубке.

— Так всего один теленочек, мистер Хэрриот! Минута — и всех делов-то.

«Ну ладно, — подумал я, открыл багажник и выудил эмаскулятор из-под комбинезона, в который облачался при отелах. — Какое это теперь имеет значение! Все равно мой йоркширский пудинг давно уже пересох, а говядина и дивные свежие овощи разве что не совсем обуглились. Все потеряно, и теленком больше, теленком меньше — какая разница!»

Я зашагал назад, как вдруг в глубине двора распахнулись две створки, огромное черное чудовище галопом вылетело наружу и, ослепленное ярким солнцем, резко остановилось, настороженно оглядываясь, роя землю копытами и сердито хлеща себя хвостом по бокам. Я уставился на широкий разлет рогов, на могучие мышцы, бугрящиеся на плечах, на холодно посверкивающие глаза. Не хватало только фанфар да песка под ногами вместо булыжника, а то я вообразил бы, что вдруг очутился на Пласа-де-Торос в Мадриде.

— Это что — теленочек? — спросил я.

Фермер весело кивнул:

— Он самый. Я вот решил перегнать его в коровник, там его сподручней привязать за шею.

Меня захлестнула жаркая волна гнева. Вот я сейчас на него накричу! И тут, как ни странно, волна схлынула, оставив после себя только безнадежную усталость.

Я подошел к фермеру, придвинул лицо к его физиономии и сказал негромко:

— Мистер Рипли, мы с вами давно не виделись, и у вас было достаточно времени выполнить обещание, которое вы мне дали. Помните? Что телят надо оперировать, когда им месяца три, не больше, и что вы замените эти ворота. А теперь поглядите на своего бычицу и поглядите, во что ваши ворота превратили мой костюм.

Фермер с искренним огорчением оглядел прорехи, украсившие мои брюки, и даже потрогал пальцем большой лоскут, свисавший с рукава у локтя.

— Да-а, нехорошо получилось, вы уж извините. — Он посмотрел на быка. — Да и этот, конечно, великоват маленько.

Я промолчал. Несколько секунд спустя мистер Рипли откинул голову и с твердой решимостью посмотрел мне прямо в глаза.

— Что плохо, то плохо, — сказал он. — Но знаете что? Этого вы уж сегодня ущипните, а я послежу, чтоб впредь такого больше не случилось!

Я погрозил ему пальцем:

— Вы ведь уже мне говорили то же самое. Но теперь я могу положиться на ваше обещание?

Он с жаром закивал:

— Уж ручаюсь вам.

Мнимые болезни собачки Мертл

— О-о-х, о-о-о!

Надрывные рыдания в трубке мигом прогнали мой сон. Был час ночи, и, когда меня разбудило назойливое бречание телефона, я ожидал услышать хриплый голос какого-нибудь фермера, чья корова никак не могла растелиться.

— Кто это? — спросил я с легким испугом. — Что случилось?

Ответом мне было горькое всхлипывание, а затем мужской голос произнес между двумя рыданиями:

— Хемфри Кобб говорит. Ради всего святого, поскорей приезжайте. Мертл, по-моему, умирает!

— Мертл?

— Ну да. Собачка моя! До чего же ей плохо, о-о-о-х, о-хо-о!

— Но что с ней?

— Пыхтит, хрипит. По-моему, вот-вот дух испустит. Приезжайте побыстрее.

— Где вы живете?

— Седр-хаус. В конце Хилл-стрит.

— Знаю. Сейчас буду у вас.

— Вот спасибо! Мертл долго не протянет. Поторопитесь, а?

Я спрыгнул с кровати, схватил плисовые рабочие брюки со спинки стула у стены, в спешке су-

нул обе ноги в одну штанину и растянулся во всю длину на полу.

Хелен привыкла к ночным звонкам и обычно тут же снова засыпала. Тем более что я одевался, не зажигая света, чтобы ее не тревожить. Мне хватало ночника, который всю ночь горел на лестничной площадке ради Джимми, тогда совсем маленького.

Однако на этот раз система не сработала, и грохот моего падения заставил Хелен привскочить на постели.

— Джим, что это? Что с тобой?

Я кое-как поднялся с пола.

— Ничего, Хелен. Просто я споткнулся, — сказал я, сдергивая со стула рубашку.

— Но что за спешка?

— Абсолютно неотложный случай. Мне надо торопиться.

— Я понимаю, Джим, но ты же сам себя задерживаешь. Собирайся спокойнее.

Разумеется, она была совершенно права. Я всегда завидовал тем моим коллегам, которые сохраняют невозмутимость даже в крайне критических обстоятельствах. Но сам я из другого теста. Я скатился по лестнице и галопом промчался через темный сад в гараж. Ехать мне было меньше мили, и времени на обдумывание симптомов не оставалось, но я уже не сомневался, что столь резкое нарушение дыхания указывало на сердечный приступ или внезапную аллергическую реакцию.

Не успел я позвонить, как на крыльце вспыхнул свет и передо мной возник Хемфри Кобб, невысокий толстячок лет шестидесяти. Сияющая лысина еще больше придавала ему комическое сходство с огромным яйцом.

Оглавление

Бычки мистера Рипли	5
Мнимые болезни собачки Мергл	24
Новое и старое	39
С овцами в Россию (1)	48
Мой пятилетний помощник Джимми	56
Как ловить скотину за ухо	68
С овцами в Россию (2)	77
Кесарево сечение коровы Беллы	82
С овцами в Россию (3)	102
Твердый принцип Роберта Максвелла	107
Козьи орешки к завтраку	122
С овцами в Россию (4)	133
Косточка дворняжки Венеры	144
С овцами в Россию (5)	162
Собака, которая родилась слишком рано	174
Молоко свиньи Полли	188
Я праздную прибавление семейства	198
С овцами в Россию (6)	218
Противный скупердяй мистер Биггинс	237
Страховка от несчастного случая	251
С овцами в Россию (7)	261
Моя помощница Розы	265

Бернард Шоу и теленок Каслинггов	276
С овцами в Россию (8)	282
Загадочный паралич пса Германа	290
Трудная любовь быка-баловника	306
Любвеобильный Джордж	317
Коза миссис Деррик	337
С коровами в Стамбул (1)	346
Железные нервы	358
Кот мистера Барнетта	368
С коровами в Стамбул (2)	379
Когда рога вышли из моды	400
Причуды лабрадора Бренди	419
С коровами в Стамбул (3)	431
Розовые очки супругов Уитхорн	438
Чума свиней	447
Не о чем жалеть!	471